

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.26>

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОРНЯ КӨ(Н)- В ВАДУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Курилов Г.Н.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-0659-9240;¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kurilov.gavril[at]mail.ru)

Аннотация

В статье описаны результаты этимологического исследования некоторых лексических единиц на К в вадульском (тундренном юкагирском) языке.

Цель статьи – определение этимологии лексем с корнем *кө(н)-* в вадульском языке, поставленные задачи:

1. выполнение структурно-морфологического анализа лексических единиц с корневым элементом *кө-*;
2. выявление лексем с тождественными корневыми и деривативными элементами;
3. определение значения установленных этимонов.

Методы исследования включали сравнительно-сопоставительное рассмотрение, структурно-морфологический и словообразовательный разбор, семантический анализ.

В итоге древний корень *ко(н)-~кө(н)-* обозначал ‘нечто человеческое’, ‘нечто мужское’, при помощи деривата *-дэ* от данного этимона образовано слово *көдэ* со значением ‘человек’. Этимологическое изучение сложных слов с компонентом *көдэ* ‘человек’ показало, что устойчивое словосочетание *көдэн моойэ* ‘душа (человека)’ буквально переводится: ‘[ангел-хранитель, дух-хранитель] тот, кто держит человека’, ‘человеческий ангел-хранитель’, ‘человеческий дух-хранитель’, композита *көдэдоно* ‘маленький божок в одежде, сшитой из разных обрезков камуса’ буквально понимается: ‘человеческая фигура’, сложное слово *көдэнаа* ‘тень, отражение, силуэт’ дословно означает: ‘являющийся тенью человека’.

Ключевые слова: вадульский язык, тундренный юкагирский язык, этимон, корневой элемент, первоначальная конфигурация.

ORIGIN OF THE ROOT КӨ(Н)- IN THE WADUL LANGUAGE

Research article

Kurilov G.N.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-0659-9240;¹ The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

* Corresponding author (kurilov.gavril[at]mail.ru)

Abstract

The article describes the results of the etymological study of some lexical units on K in the Wadul (Tundra Yukaghir) language.

The purpose of the article is to determine the etymology of lexemes with the root *кө(н)-* in the Wadul language, the tasks set:

1. performing a structural and morphological analysis of lexical units with the root element *кө-*;
2. identifying lexemes with identical root and derivative elements;
3. determining the meaning of the established etymons.

The research methods included comparative and contrastive consideration, structural, morphological and word-formation analysis, semantic analysis.

As a result, the ancient root *ко(н)-~кө(н)-* meant ‘something human’, ‘something masculine’, by means of the derivative *-de*, the word *көде* with the meaning ‘man’ was formed from this etymon. An etymological study of compound words with the component *көде* ‘person’ showed that the phraseological unit *көден мооје* ‘soul (of a person)’ is literally translated as ‘[guardian angel, guardian spirit] the one who holds a person’, ‘human guardian angel’, ‘human guardian spirit’, the composite *көде-доно* ‘little god in clothes sewn from different scraps of kamus’ is literally understood as ‘human figure’, the compound word *көденаа* ‘shadow, reflection, silhouette’ literally means: ‘being a shadow of a person’.

Keywords: Wadul language, Tundra Yukaghir, etymon, root element, initial configuration.

Введение

В предлагаемом этимологическом исследовании вадульского (тундренного юкагирского) языка изучается происхождение слов древнейшего, крайне малочисленного народа Севера-Востока Азии. Установление внутренней этимологии юкагирских слов осложняется тем, что анализу подвергаются лексические единицы только вадульского языка, т.к. полностью опираться на материалы одульского (лесного юкагирского) языка нет возможности из-за отсутствия полного академического словаря и количества носителей языка. По этой причине основными источниками

для нашего исследования являются материалы по языку и культуре вадульского языка, носители которого проживают на территории Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия). Конечно, мы опираемся на языковые данные одульского языка по работам В.И. Иохельсона. В этой части работы нам помогает своими информацией лесная юагирка, исследовательница одульского языка и фольклора П.Е. Прокопьева. Отметим «Исторический юагирский словарь» И.А. Николаевой (2006), в котором сведены основы и лексеммы по одульскому и вадульскому языкам, а также материалы записей XVII-XIX вв. по омокскому и чуванскому юагирским диалектам или языкам.

Определением внутренней этимологии лексических единиц юагирских языков занимались В.И. Иохельсон [1], [2], Е.А. Крейнович [3], [4], автор этих строк делал этимологический анализ отдельных лексических групп [6], [7], [8], [9].

Цель статьи – этимологии лексем с корнем *кө(н)*- в вадульском языке. Для достижения цели поставлены задачи:

1. проведение структурно-морфологического анализа лексических единиц с корневым элементом *кө*-;
2. выявление лексем с тождественными корневыми и деривативными элементами;
3. определение значения установленных этимонов.

Методы и принципы исследования включают сравнительно-сопоставительное рассмотрение, структурно-морфологический, словообразовательный анализ, семантический анализ. В способах сравнительного и сопоставительного изучения проводится поиск однокоренных слов в вадульском и одульском языках, соотнесение этимологизируемого слова с другими лексемами для выделения деривационных компонентов и определение их семантико-грамматических значений. В результате выявляются корни и основы с определением их значений и этимологий лексических единиц.

Материал исследования составили «Юагирско-русский словарь» (2001), «Юагирско-русский и русско-юагирский словарь» (2002), Юагирско-русский словарь (язык лесных юагиринов) (2021), материалы автора, собранные при проведении этимологических исследований юагирского языка.

Практическая значимость обусловлена тем, что результаты исследования поспособствуют документированию, сохранению и развитию вадульского языка, получат применение в сравнительно-сопоставительных и этимологических исследованиях юагирских языков, ориентированных на развитие выводов об уральском происхождении.

Обсуждение

В процессе анализа нарицательного имени существительного (ТЮ) *көдэ(н)* ‘человек’ установлен этимон *кө(н)*-, определяемый в словах *кэйпэ* ‘мальчик’ и *куодьэдуо* ‘мальчик’ – буквально: ‘мужской ребенок’ (ср. *пайпэ* ‘женщина’), *паадьэдуо* ‘девочка’ – буквально: ‘женский ребенок’.

В сложном имени существительном *куодьэдуо* ‘мальчик’ компоненты *куодьэ-* и *-уо* ‘дитя’ целно оформились при помощи соединительного согласного *-д-*. Компонент *куодьэ-* состоит в сложных словах (ТЮ) *куодьэлаамэ* ‘кобель’, ‘самец собаки’ (*лаамэ* ‘собака’), *куодьэдилэ* ‘мужская часть оленного стада [пасущаяся отдельно от важенок]’ (*илэ* ‘олень’). Из этих примеров можно сделать вывод, что слово *куодьэ* связано с понятием ‘мужская часть (собак и оленей)’. Но мужчин (людей мужского пола) у вадулов – тундренных юагиринов называют *кэйпэ*, противопоставляя женщинам, обозначаемых словом *пайпэ*, а мужскую половину птиц называют *кэйи* [5, С. 157].

Откуда появился дифтонг в слове *куодьэ*-? Каким образом произошла модификация *кэй-* в звукосоответствии *куо-*, гласной [э], которая никогда в юагирском языке не переходила в дифтонг [уо]? Мы предположили, что в *кэйпэ* ‘мужчина’, ‘мужская особь’ [э] в корне *кэй-* имело звучание [о], т.к. дифтонг [уо] может изменяться в краткий [о] и долгий [оо]. Наша гипотеза подтвердилась сообщением Л.Н. Деминой, одной из последних хороших знатоков одульского языка. Она сообщила, что понятие ‘мужчина’, ‘мальчик’ обозначается словом (ЛЮ) *куойпэ(н)*.

Одулы – лесные юагиры употребляют слово *куойпэ* ‘мужчина’ и *куойпэдуо* ‘мальчик’ (буквально: ‘ребенок мужского пола’) [11, С. 136]. Вадулы тоже говорили *куойпэ*, а не *кэйпэ*, как современные юагиры Нижней Колымы. На наш взгляд, слово *куойпэ* показывает, что грамматическая система одульского языка проявляет архаичность по сравнению с системой вадульского языка. Итак, слово *көдэ* произносили через гласный [о], а именно: *кодэ*. Следы былой гармонии гласных обнаруживаются и сейчас, возможно, в древности слово *көдэ~кодэ* имело фонетический вид: *кода* или *кодо* ‘мужская особь’.

В слове *көдэ* (<*кодэ*) корневым элементом *кө-* (<*~ко-*) имел в конце согласный [н], используемый и сейчас как словообразующий элемент именных слов (см. *көдэ* и *көдэн* ‘человек’, *илэ* и *илэн* ‘олень’, *йаа* и *йаан* ‘береза’, ‘осина’ и т.д.). Моделирование существительного *көдэ(н)* (<*кодэ(н)*) ‘человек’ указывает на первоначальную конфигурацию – *контэ(н)*, которая изменилась в *көн-дэ(н)* (*-тэ~дэ*) и современный вид *көдэ*. В этом контексте отметим основу *köntä* – (ТЮ) *köde* ‘человек’, выделенную в «Историческом юагирском словаре» [12, С. 220]. Таким образом, древний корень *кө(н)*- (<*ко(н)*-) содержит значения ‘некто человеческое’, ‘некто мужское’, при помощи деривата *-дэ* он получил форму слова *көдэ* (<*кодэ*) со значением ‘человек’.

Основа *кө(н)*- (<*ко(н)*-) может выступать в своей первоначальной конфигурации в собственном мужском имени (ТЮ) *Көндийэ*, понимаемого как: ‘милий человек’ (*-дийэ* – уменьшительно-ласкательный суффикс), в нарицательных существительных: *көнтэгэ* ‘человек крупного телосложения’ (*-тэгэ* – аугментатив), *көмпэ* ‘люди’ (*-пэ* – аффикс множественного числа), *көнгү* ‘друг-его’ (*-гү* – аффикс принадлежности), *көммэ* ‘друг’, ‘напарник’, ‘супруг (супруга)’ (*-мэ* – именной суффикс), *көһнэ* ‘родня’ от *көһнэ-* (3 л. *мэ көһнэй*; *көһнэл*) *неперех.* ‘иметь родню’ (*-һэ* – аффикс обладания кем-чем-либо) и др. Данные слова имели гласный [о] в корне: *көнгү* ‘человек его’, *көнтэгэ* ‘человечище’, *көмпэ* ‘люди’ и др. Конечный согласный [н] в *кө(н)*- (<*ко(н)*-) может выпадать из именного корня, а появление [н] после *кө-* (<*ко-*), по всей видимости, представляет соединительный согласный *-н-* (*~д-*).

Компонент *көдэ* ‘человек’ содержится в устойчивом словосочетании (ТЮ) *көдэн моойэ* ‘душа (человека)’, состоящем из компонента *көдэ* ‘человек’ в форме на *-н* (атрибутивный показатель) и именного слова *моойэ* ‘держатель’ от *моой-* (3 л. *мэ моойм*; *моойл*) *перех.* ‘держатель’, ‘содержать’.

Надо сказать, что у *моойэ* различаются значения. Мы рассмотрели сложное слово *моойэндъэдилэ* ‘олень, наделенный таинственной силой, духом’. Считалось, что на некоторых оленей в стаде не нападали волки. Подобных оленей юагиры считали обладателями ангела-хранителя. Слово *моойэ* мы зафиксировали от носителя языка и культуры тундренных юагиров А. И. Стручковой. Она рассказала случай из жизни, когда пятнадцатилетней девушкой-сиротой, осталась одна, во время сильной пурги, в оленьем стаде. В ту пургу она побоялась идти искать жилище [где были мой брат Семен Николаевич Курилов и мать Анна Васильевна Курилова]. В какой-то момент, она увидела, что сквозь пургу в ее сторону кто-то едет. Это был человек в белом одеянии, на белых оленях в белой березовой нарте *йааттиэ* [5, С. 105]. Он попросил ее сесть в нарты и через некоторое время довез к жилищу. Анна Васильевна, увидев ее, сказала: «*Тэт моойэндъэ мархиль нольэлдъэк*». – ‘Ты, оказывается, девушка с ангелом-хранителем’ (МА).

В приведенном материале значение слова *моойэ* понимается, как: ‘ангел хранитель’, ‘дух-хранитель’. Мы считаем, что словосочетание *кэдэн моойэ* буквально можно перевести как: ‘[ангел-хранитель, дух-хранитель] тот, кто держит человека’, ‘человеческий ангел-хранитель’, ‘человеческий дух-хранитель’.

Следующим словом с *кэдэ* является сложное имя существительное (ТЮ) *кэдэдоно* ‘маленький божок в одежде, сшитой из разных обрезков камуса’, в нем выделяется первый компонент *кэдэ*- ‘человек’, соединительный согласный -д и второй компонент -*оно* ‘фигура, силуэт’. Сложное слово *кэдэдоно* понимают еще как: ‘тень человека’, т.к. существительное *оно* имеет значение: ‘тень’.

Словом *кэдэдоно* обозначался юагирский идол, защищающий от напастей и несчастий домочадцев жилища, какую-либо семью с людьми, близкородственными с хозяевами дома. Этот идол (до 60-х годов прошлого столетия) находился в том месте, над которым висела православная икона. Во время полевых экспедиций в 1960-х годах, престарелые юагиры рассказывали, что этих «богов» угощали едой, т.е. к данной фигурке, одетой в меховую одежду, относились как к одному из членов своего коллектива, их почитали, берегли, уважали, поскольку думали, что он помогает людям. Основываясь на этнографические данные и толкование рассматриваемого слова, этимологическим значением *кэдэдоно* считаем: ‘человеческая фигура’.

Нарицательное имя существительное (ТЮ) *кэдэнаа* ‘тень, отражение, силуэт’ (так произносили некоторые наши информаторы) представляет собой сложное слово, образованное компонентами *кэдэ* ‘человек’ и -*наа*. Этимологическую субстанцию элемента -*наа* нам открыло произношение некоторыми юагирами-вадулами слова *кэдэнаа*, как *кэдонаа*. В компоненте -*онаа* довольно четко обнаруживается слово *оно* ‘фигура, силуэт’, конечный долгий -*аа* служит логическим и семантическим выделением отличительного признака. О долготе конечного гласного мы говорили в одной статье, разбирая имена собственные [6, С. 102]. Таким образом, сложное слово *кэдэнаа* или *кэдонаа* буквально означает: ‘являющийся тенью человека’.

Заключение

Итак, древний корень *ко(н)-~кө(н)-* обозначал ‘нечто человеческое’, ‘нечто мужское’, корневым элементом *ко-~кө-* имел в конце согласный [н] – словообразующий элемент именных слов. Данный этимон при помощи деривата -*дэ* получил форму *кэдэ* со значением ‘человек’, которое имело вид: *кода* или *кодо* ‘мужская особь’.

Этимологическое рассмотрение слов с компонентом *кэдэ* ‘человек’ показало следующие выводы. Устойчивое словосочетание *кэдэн моойэ* ‘душа (человека)’ буквально можно перевести как: ‘[ангел-хранитель, дух-хранитель] тот, кто держит человека’, ‘человеческий ангел-хранитель’, ‘человеческий дух-хранитель’, этимологическое значение *кэдэдоно* ‘маленький божок в одежде, сшитой из разных обрезков камуса’ – ‘человеческая фигура’, сложное слово *кэдэнаа* ‘тень, отражение, силуэт’ буквально означает: ‘являющийся тенью человека’.

Список сокращений

ТЮ – вадульский, тундренный юагирский

ЛЮ – одульский, лесной юагирский

неперех. – непереходный глагол

перех. – переходный глагол

МА – материалы автора

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.26.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.26.1>

Список литературы / References

1. Иохельсон В.И. Одульский (юагирский) язык / В.И. Иохельсон // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. — Москва; Ленинград : Учпедгиз, 1934. — С. 149–180.
2. Иохельсон В.И. Юагиры и юагиризованные тунгусы / В.И. Иохельсон // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. — Т. 5. — Новосибирск : Наука, 2005. — 680 с.

3. Крейнович Е.А. Юкагирский язык / Е.А. Крейнович. — Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. — 288 с.
4. Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е.А. Крейнович. — Ленинград : Наука, 1982. — 302 с.
5. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. — Новосибирск : Наука, 2001. — 608 с.
6. Курилов Г.Н. Значение древнего корня йон= в языке тундренных юкагигов / Г.Н. Курилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — № 3(45). — Ч. 3. — Тамбов : Грамота, 2015. — С. 101–103.
7. Курилов Г.Н. О лексеме хонмэрау 'камус' в тундренном диалекте юкагирского языка / Г.Н. Курилов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2020. — №3 (32). — С. 119–125.
8. Курилов Г.Н. Семантика корневого элемента пу- в тундренном диалекте юкагирского языка / Г.Н. Курилов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2021. — №1 (34). — С. 86–95.
9. Курилов Г. Н. Термины родства в языке лесных и тундренных юкагигов в сравнительно-сопоставительном аспекте / Г.Н. Курилов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2022. — № 1 (38). — С. 63–70.
10. Николаева И.А. Юкагирско-русский и русско-юкагирский словарь / И.А. Николаева, В.Г. Шалугин. — Санкт-Петербург : Дрофа, 2002. — 192 с.
11. Прокопьева П.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагигов) / П.Е. Прокопьева, А.Е. Прокопьева. — Новосибирск : Наука, 2021. — 412 с.
12. Nikolaeva I.A. A Historical Dictionary of Yukaghir (Trends in linguistics. Documentation) / I.A. Nikolaeva. — Walter de Gruyter GmbH, 2006. — 513 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Iohel'son V.I. Odul'skij (jukagirskij) jazyk [Odul (Yukaghir) language] / V.I. Iokhel'son // Jazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 3. Jazyki i pis'mennost' paleoaziatskih narodov [Languages and Writing of the Peoples of the North. Part 3. Languages and Writing of Paleoasiatic Peoples]. — Moscow; Leningrad : Uchpedgiz, 1934. — P. 149–180. [in Russian]
2. Iokhel'son V.I. Jukagiry i yukagirizirovannye tungusy [The Yukaghir and Yukaghirized Tungus] / V.I. Iokhel'son // Pamjatniki jetnicheskoj kul'tury korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Ethnic Culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East]. — Vol. 5. — Novosibirsk : Nauka, 2005. — 680 p. [in Russian]
3. Krejnovich E.A. Jukagirskij jazyk [Yukaghir language] / E.A. Krejnovich. — Moscow; Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. — 288 p. [in Russian]
4. Krejnovich E.A. Issledovanija i materialy po jukagirskomu jazyku [Research and materials on the Yukaghir language] / E.A. Krejnovich. — Leningrad : Nauka, 1982. — 302 p. [in Russian]
5. Kurilov G.N. Jukagirsko-russkij slovar' [Yukaghir-Russian Dictionary] / G.N. Kurilov. — Novosibirsk : Nauka, 2001. — 608 p. [in Russian]
6. Kurilov G.N. Znachenie drevnego kornja йон= v jazyke tundrennyh jukagirov [The meaning of the ancient root йон= in the Tundra Yukaghir language] / G.N. Kurilov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — № 3 (45). — P. 3. — Tambov : Gramota, 2015. — P. 101–103. [in Russian]
7. Kurilov G.N. O lekseme хонмэрау 'kamus' v tundrennom dialekte jukagirskogo jazyka [About the Lexeme хонмэрау 'kamus' in the Tundra Dialect of the Yukagir Language] / G.N. Kurilov // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik [Northeast Humanitarian Bulletin]. — 2020. — № 3 (32). — P. 119–125. [in Russian]
8. Kurilov G.N. Semantika kornevogo jelementa пу- v tundrennom dialekte jukagirskogo jazyka [Semantics of the Root Element пу- in the Tundra Dialect of the Yukagir Language] / G.N. Kurilov // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik [Northeast Humanitarian Bulletin]. — Yakutsk : 2021. — №1 (34). — P. 86–95. [in Russian]
9. Kurilov G.N. Terminy rodstva v jazyke lesnyh i tundrennyh jukagirov v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [Kinship terms in the language of the Forest and Yundra Yukaghirs in a comparative aspect] / G.N. Kurilov // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik [Northeast Humanitarian Bulletin]. — 2022. — № 1 (38). — P. 63–70. [in Russian]
10. Nikolaeva I.A. Jukagirsko-russkij i russko-jukagirskij slovar' [Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir Dictionary] / I.A. Nikolaeva, V.G. Shalugin. — Saint Petersburg : Drofa, 2002. — 192 p. [in Russian]
11. Prokop'eva P.E. Jukagirsko-russkij slovar' (jazyk lesnyh jukagirov) [Yukaghir-Russian dictionary (language of the forest Yukaghirs)] / P.E. Prokop'eva, A.E. Prokop'eva. — Novosibirsk : Nauka, 2021. — 412 p. [in Russian]
12. Nikolaeva I.A. A Historical Dictionary of Yukaghir (Trends in linguistics. Documentation) / I.A. Nikolaeva. — Walter de Gruyter GmbH, 2006. — 513 p.